

Этико-экономический анализ детерминантов теневых отношений

© 2010 М.В. Головки

докторант

Северо-Кавказская академия государственной службы, г. Ростов-на-Дону

E-mail: golovko178@yandex.ru

В статье раскрыто значение категорий этики для анализа детерминантов теневых отношений и разработки государственной антитеневой политики. Показана взаимосвязь экономической и социальной жизни общества.

Ключевые слова: теневые отношения, детерминанты, антитеневая политика.

Актуальность проблемы развития теневой экономики стала перманентной, хронической. Данная проблема находит отклик и в нормотворческой сфере, и в общественных дискуссиях, и в научной среде - в активном ее осмыслении посредством применения различных методологических подходов, выявления особенностей, отслеживания динамики, конструировании всевозможных нормативно-правовых актов, программ и т.п. Исследованием феномена теневой экономики занимаются и экономисты, и социологи, и политологи, и даже антропологи, связывающие ее развитие с врожденными потребностями человека к максимизации полезности вне зависимости от существующих ограничений. В результате существующая теоретическая основа разработки государственной антитеневой политики представляет собой нагромождение разноплановых теорий, отдельных предположений и утверждений, раскрывающих, однако, лишь отдельные свойства системы теневых отношений. Безусловно, причиной этому является очевидная междисциплинарность объекта. Следовательно, необходимо найти точку соприкосновения существующих концепций и, воздействуя на нее, оптимизировать возможности государства по устранению детерминантов развития и негативных последствий функционирования системы теневых отношений. В силу того что экономический процесс осуществляется людьми по поводу формирования и использования возможностей реализации их интересов, можно заключить следующее. Именно человек и его мировоззрение (в данном контексте - экономическое), выступающее как совокупность взглядов на экономическую систему и индивидуальное позиционирование в ней, а также обусловленные этим убеждения, ценности, принципы хозяйственной деятельности, являются субъектом всех типов теневых отношений и, следовательно, объектом многочисленных теорий и методологических подходов.

Своевременность данного положения обусловлена тем, что сегодня практически не развита научная позиция, отражающая этические факторы возникновения и роста теневых связей в различных сферах общественной жизни. При этом все меньшее значение придают морально-этическим свойствам хозяйственных отношений, исключая их из предмета экономических исследований. В то же время этика и мораль являются немаловажными факторами экономической жизни общества вследствие наличия таких врожденных качеств человека, как моральные, религиозные и эстетические¹. Так, П. Козловски отмечает, что “экономическая наука и этика направлены на один и тот же предмет, они не являются науками, независимыми друг от друга”, и вводит термин “этическая экономия”². При этом использование этических максим позволяет раскрыть не только этические, но и общие предпосылки и условия индивидуальной хозяйственной деятельности, опираясь на инструментарий политической экономии и институциональной экономики. Потребность активного исследования формирования и использования этических стандартов хозяйствования в определенном типе национальной культуры возникает по причине растущих культурно-нравственных побочных эффектов экономической деятельности и необходимости использовать максимальное число инструментов в противодействии распаду экономической культуры. При этом следует отметить, что существует взаимозависимость этики и экономики, поскольку на процесс развития этических максим непосредственное воздействие оказывают экономические отношения и уровень их развития на каждом из этапов эволюции национально-экономической системы. Ориентация на синтез экономики и этики даст возможность воспользоваться качественно новой методологией, совмещающей феномены законов и ценностей в сфере экономики³.

Триединство этики, экономики и политики является краеугольным камнем эффективной государственной политики регулирования системы социально-экономических отношений в обществе. Принимая во внимание тот факт, что этика представляет собой совокупность формальных и неформальных институтов, для реализации возможностей этико-экономического анализа по выявлению детерминантов теневых отношений и оптимизации государственной антитеневой политики теневые взаимосвязи целесообразно исследовать сквозь призму концептов институциональной экономики. Так, взаимодействие экономических субъектов всегда ограничено определенной совокупностью правил, устанавливаемых в определенный период развития хозяйственной жизни общества, соблюдение которых обеспечивается механизмом принуждения. В то же время объективно любое действие индивида, «строясь по норме, постоянно выходит за ее пределы..., правила имеют свойство конкретизироваться (ветвиться) в соответствии с новыми требованиями и обстоятельствами действия и искажаться в зависимости от ... социальной потребности действовать так, а не иначе»⁴. Так, Т. Веблен, отмечал, что позиция А.Смита относительно экономического человека, мотивированного только стремлением к материальной выгоде, существенно устарела, поскольку человеческое поведение имеет гетерогенную структуру, включающую элементы традиций, обычаев⁵, что представляет собой неформальную институциональную основу хозяйственной деятельности. Возможность выхода за пределы существующего институционального формата обусловлена не только и не столько слабым механизмом принуждения, сколько субъективной оценкой индивида степени дозволенности. Эта и другие неформальные нормы хозяйственного поведения закладываются в семье, «...возникают из информации, передаваемой посредством социальных механизмов, и являются частью того наследия, которое мы называем культурой»⁶. Так, по опросам ВЦИОМа, 67% населения ответили, что нравственные ценности формируются в семье, и 17% - в школе⁷. Наличие культурных оснований экономического поведения человека⁸ ставит в зависимость от специфики традиционных ценностей устойчивость различных формальных или неформальных институтов. Например, уже традиционное для российского народа неприятие состоятельных людей и стремление не только осудить неправомочность процесса накопления капитала, но и воспользоваться им в личных целях - «взять и поделить». Так, по данным ВЦИОМа, 45% опрошенных россиян убеждены,

что российские бизнесмены обзавелись капиталами путем махинаций, 10% респондентов считают - с помощью взяток, и лишь 7% опрошенных отдают дань личным способностям⁹. Также в семье задаются границы сферы «свободы действий», транслируются следующим поколениям и закрепляются в качестве референтных норм поведения.

Серьезным колебаниям подвергаются этические нормы в трансформационные периоды, испытывая при этом своеобразную «проверку» на адекватность и способность к устойчивости. В стрессовых ситуациях люди могут забыть о нормах поведения, наработанных историей морали, склоняются к насильственным действиям: скажем, крестьяне таким способом пытаются вернуть общинные формы жизни, рабочие ломают машины (луддиты), антиглобалисты поджигают автомобили и грабят магазины и т.д. - вплоть до стремления уничтожить существующее государство¹⁰. В частности, на этапе реформ в России сформировался особый культурный феномен «человека теневого», что породило такую серьезную проблему для общества, как пренебрежительное отношение людей к институту права, к формальному закону. Современные школьники и студенты, только начинающие изучать основы экономики и хозяйственной деятельности, уже пропускают полученную информацию сквозь призму реальных экономических условий - наличие коррупционных барьеров для бизнеса, масштабные (и, на первый взгляд, более эффективные) теневые связи, налоговуклонение, мошенничество и пр. Следовательно, осознавая масштабы издержек деятельности в рамках правового поля, они формируют «альтернативные модели поведения, связанные с новым восприятием выгод...»¹¹ и по достижении определенного возраста будут демонстрировать эти модели как самостоятельные хозяйствующие субъекты.

Развитию теневых отношений также послужило внедрение модели «homo oeconomicus», характерной для условий чистого рынка, и ее развитие в течение длительного периода в российском обществе. Это деформировало конструируемую веками систему национальных ценностей. Аксеологическая природа предпочтений, которыми руководствуются в своих действиях экономические субъекты, выражается в их определении - что на данный момент является ценностной целью, отвечающей контексту современного общества. Вероятно, что в переходный период в качестве таковой выступила максима «выживание любой ценой», тем более, что эта цена «уплачивалась» за счет государственных (общественных) средств и ресурсов. Проникновение

ценностей рыночного “субъекта-рационализатора” в систему этических норм российского общества спровоцировало негативные мутации последних. В частности, утратили свои особенности ориентиров хозяйственной деятельности такие категории этики, как свобода и доверие. По-новому воспринимается традиционная ценность российского человека – свобода, ассоциируемая со словом “воля”, т.е. сознательное стремление к удовлетворению своих интересов без серьезного сопротивления внешних факторов. Так, “трансформационное” состояние национальной этики наделило вольность поступков новыми качествами, проявляющимися и в виде различных “негативных неформальных норм: преступности, коррупции, теневой экономики, уклонении от уплаты налогов...”¹².

Особым детерминантом развития теневых отношений является утрата обществом доверия государству, бизнесу и друг другу. Его формирование как мощного института в системе неформальных правил хозяйственной деятельности наряду с традициями и обычаями делового оборота происходит в семье, затем развивается в других социальных группах, к которым принадлежит индивид. Отсутствие доверия между экономическими субъектами порождает их стремление максимизировать свою выгоду любыми доступными способами, даже противозаконными, вне зависимости от интересов партнера по сделке. Однако при этом предполагается, что контрагент делает то же самое. Отсюда, требуется увеличение издержек реализации контрактов, которые не относят к экономическим, – издержек по уплате коррупционного налога при несоблюдении формальных норм или в случае “покупки” более выгодных условий сделки, а также издержек контроля исполнения контрактных условий. В российской экономике сформировалась парадоксальная ситуация, когда экономические субъекты, осознавая необходимость соблюдения правил хозяйствования и декларируя это в качестве постулатов хозяйственной этики, сами их нарушают, пытаясь таким образом увеличить личную выгоду. В теории игр это интерпретируется как дилемма заключенного, максимизирующего полезность: если все будут придерживаться этических правил, то будет достигнуто наилучшее для всех состояние. “Но каждый индивид может поставить себя в еще лучшее положение, если он не будет придерживаться правил, а все остальные будут их соблюдать. Дилемма этого индивида состоит, однако, в том, что он не может быть уверен, не реагируют ли и другие нарушением правил, когда он сам их не соблюдает”¹³. В результате теневое

поведение отдельного индивида проецируется на всю систему экономических отношений и нарушает нормальные условия хозяйствования всех ее субъектов. Низким уровнем межличностного доверия, по мнению западных экономистов, можно объяснить развитие особой формы патернализма в российском обществе, обусловленного не лояльностью к государству как сильному лидеру, а желанием с его помощью ограничить действия других индивидов. Сравнительные социологические исследования свидетельствуют, что более индивидуалистического общества, чем современная Россия, в Европе просто не существует¹⁴. Нормальное его развитие возможно только в условиях сильного государственного контроля за хозяйственной жизнью, либерализация которой приведет к сложной социально-экономической ситуации¹⁵.

Можно заключить, что недоверие является мощным фактором развития теневых отношений и проявляется в следующем. Во-первых, недоверие создает угрозу раскола общества на атомизированных индивидов, не способных мобилизоваться в критической ситуации с целью противостояния внешним и внутренним угрозам. Низкий уровень социальной активности населения способствует дальнейшему развитию коррупции в органах власти, поскольку отсутствие эффективного общественного контроля закрепляет возможности чиновников по извлечению административной ренты.

Во-вторых, коррупция является системообразующим фактором теневой экономики и сдерживает развитие этических принципов в экономике. В этих условиях эффективность бизнеса все более зависит не от интенсивности и инновационности предпринимательского труда, а от размеров “коррупционного налога”, уплачиваемого чиновникам в обмен на получение благоприятных условий хозяйствования. Его уплата, с одной стороны, позволяет минимизировать временные и материальные затраты на приведение бизнеса в соответствие с требованиями, но отвлекает значительную часть финансовых ресурсов – с другой стороны. Естественно, большая часть собственников стремятся покрыть “коррупционные издержки” за счет сокращения фонда заработной платы. Как следствие, снижается уровень доверия наемных работников предприятию-работодателю и возникает потребность компенсировать недостаток дохода путем участия в теневых отношениях, например, при использовании оборудования в частных целях для создания товаров с последующей их продажей на теневом рынке, при краже ресурсов предприятия и т.д. В результате теряет смысл такая важ-

ная составляющая рыночной стоимости компании, как репутация фирмы. Подобная ситуация в экономической сфере формирует негативное мнение общественности о бизнесе как о механизме перераспределения ресурсов, а не создания материальных благ или услуг. Антагонизм между бизнесом и населением порождает стремление последнего усилить государственный контроль за предпринимательской деятельностью, несмотря на известные масштабы коррумпированности власти. Но в то же время, согласно опросу, проведенному “Левада-центром”, 62% россиян живут, полагаясь только на себя и избегая вступать в контакт с властью¹⁶. Ситуация “замкнутого круга” не способствует формированию предпосылок восстановления этических принципов экономического взаимодействия субъектов и их адаптации к современным условиям. Ее развитие происходит по принципу “действие равно противодействию”, когда одна критическая точка служит спусковым механизмом другого порогового состояния. Ценности каждой из противостоящих сторон (государство, бизнес, общество) получают негативную оценку у других. Решением данной проблемы может быть их конструктивный диалог с целью снятия оппозиции и поиска компромисса. В этом случае по достижении системой социально-экономических отношений критической точки будет следовать не ее распад, а качественно новое состояние, удовлетворяющее интересам ее субъектов.

Например, преодолеть стремление населения с помощью государства воздействовать на предпринимателей возможно путем усиления транспарентности и корпоративной социальной ответственности последних. Дополнительные самоограничения экономических субъектов в процессе реализации ими частных интересов будут являть собой комплекс неформальных норм, легитимных в данном обществе и более действенных, гибких и адаптивных в кризисные и трансформационные периоды, в отличие от формальной институциональной среды. В свою очередь, развитие хозяйственной этики позволит повысить уровень взаимного доверия экономических субъектов, тем самым снижая привлекательность теневого сектора общественных отношений. Посредником становления новых отношений между бизнесом и населением, основанных на этических нормах, должно стать государство. Поскольку формирование институционального поля и экономического поведения “в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями”¹⁷, государство должно оказывать на них должное воздействие. Прежде всего, это совершенствование учебного процесса в

школах и высших учебных заведениях, активизация связей с общественностью в различных государственных структурах, достоверное и исчерпывающее информирование населения об особенностях развития национальной экономики. Это позволит предупреждать развитие негативного отношения к государству, его структурам и законотворческой деятельности, а также оптимизировать процесс формализации неформальных норм с тем, чтобы соблюдалось правило приоритета экономики над правом.

Перечисленные выше реформации в системе экономических отношений можно определить как формирование стартовых условий для разработки государственной антикоррупционной политики. Развитие этического компонента экономического мышления населения позволит обеспечить должный общественный контроль за действиями представителей власти и предотвратить возможность подмены общественно значимых ценностей ценностями коррумпированных субъектов при разработке антикоррупционных стратегий. Таким образом, игнорирование утверждений ряда экономистов¹⁸ относительно методологической несостоятельности моральных наук для познания экономических процессов дает возможность не только вывести развитие современного рынка на новый уровень, где экономическая и социальная жизнь едины и взаимозависимы, но и минимизировать воздействие теневых отношений на развитие экономики и сократить масштабы их проявления. Это, в свою очередь, послужит стремлению российского населения к продвижению страны в мировых рейтингах. Большинство из респондентов опроса, проведенного специалистами ВЦИОМа, отметили, что для этого необходима развитая современная экономика (53%) и высокий уровень национальной культуры (8%)¹⁹. Однако первое условие невыполнимо без активного развития второго. И это еще предстоит осознать обществу.

¹ Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М., 1973.

² Козловски П. Принципы этической экономики. СПб., 1999. С. 6.

³ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.

⁴ Демидов А.И. Категория “политическая жизнь” как инструмент человеческого измерения политики // Полис. 2002. □3. С. 158.

⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 57.

⁷ Пресс-выпуск ВЦИОМ □789 август-сентябрь 2007г. URL: <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/8/>.

- ⁸ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- ⁹ Сальникова Л. Полюбить богатого // Профиль. □7 (658). 2010. (1 марта). URL: <http://www.profile.ru/items/?item=29791>.
- ¹⁰ Цофнас А.Ю. Аспекты понимания финансового кризиса // Вопр. философии. 2009. □ 11. С. 55-56.
- ¹¹ Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопр. экономики. 1997. □3. С. 9.
- ¹² Цуриков В.И. Влияние институциональных факторов на поведение субъекта экономических отношений: дис. ... д-ра экон. наук. Кострома, 2007. С. 46.
- ¹³ Козловски П. Указ. соч. С. 38.
- ¹⁴ Бызов Л. Мы сами уже другие. И дома, куда можно вернуться, уже нет // Лит. газ. 2009. 16 дек. URL: www.lgz.ru/article/11017/.
- ¹⁵ Гуриев С., Цывинский О. Ловушка недоверия // Ведомости. 2009. □ 104 (2374) (9 июня). URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/06/09/199579>.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения... С. 56.
- ¹⁸ См., например: Юм Д. Трактат о человеческой природе: В 3 кн. Кн.2-3. М., 1995. С. 229; Канке В.А. Философия экономической науки. М., 2007. С. 49; Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1993.
- ¹⁹ Пресс-выпуск ВЦИОМ □1089 от 11.11.2008г. Режим доступа: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10954.html?no_cache=1&cHash=0aba21405a.

Поступила в редакцию 03.03.2010 г.